ХЛѢБНОЕ ДѢЛЬЦЕ.

— Да скажите, пожалуйста, Иванъ Абрамычъ, откуда у васъ берутся подачки эти? Искусный вы человѣкъ, право. Не понимаю, то есть, и не могу постигнуть, какъ это вамъ счастье везетъ... Да на какихъ же вы теперь опять дураковъ напоролись?

— На ловца и звѣрь бѣжитъ, сударь мой. Дураковъ–то у насъ непочатой уголъ — про это и говорить нечего; да дѣло тутъ не въ нихъ, почтеннѣйшій, на однихъ дуракахъ не далеко уѣдешь; нужно тутъ нашему брату быть не оплошнымъ да съумѣть подвести, какъ слѣдуетъ, дѣльце, чтобъ и умница радъ былъ попасть въ дураки — вотъ въ чемъ дѣло! Откуда берется? спрашиваете вы; да намъ, съ позволенія сказать, ину пору чортъ на хвостѣ приноситъ — мы и тѣмъ не брезгаемъ! А что дураки–то они, не вовсе дураки, сударь мой, кто, то есть чтитъ и чествуетъ и уважаетъ нашего брата;

попались бы хоть бы вотъ и вы, благодѣтель мой, какъ, напримѣръ, Амалія Кейзеръ — а это мужчина, хоть и Амалія, а она–то тутъ только лицо подставное, такъ, не въ обиду вашей чести сказать, а были бъ и вы таковы...

— Ну вотъ, вотъ, Амалія–то Кейзеръ: объ этомъ–то я и хотѣлъ спросить васъ, Иванъ Абрамычъ, пожалуйте, распотѣшьте, разскажите, а вотъ я еще за бутылочкой ренскаго пошлю...

— Да вотъ, сударикъ ты мой, у насъ, изволишь видѣть, заведеніе вообще такое, что дѣлишки, какія набѣгаютъ, разбираются самимъ *имъ* по разборамъ — это ужъ *его* рукъ не минуетъ, и всякое дѣльце, прежде чѣмъ сдается и пойдетъ въ ходъ, соображается по достоинству, чего оно, то есть стоитъ. Хорошее дѣло, хлѣбное, слѣдственный оставляетъ за собой и производитъ его подъ своимъ наблюденіемъ, самъ распоряжается и направляетъ его тамъ куда и какъ слѣдуетъ; тутъ нашему брату поживы нѣтъ; много много что достанется обрывать

гривеннички; а дѣлишки пустыя, второй и третьей руки, съ которыхъ поживы мало, раздаются прямо на нашу братью, мелкую сошку, съ обложенiемъ, по обстоятельствамъ, по достоинству дѣла; вотъ, то–есть тебѣ дѣлишко, подай за него хоть пять, десять, двадцать цѣлковыхъ, а тамъ вѣдайся, выручка твоя; ужъ это твое счастье, что Богъ дастъ, этого никто не отберетъ. Ину пору, кто не изловчился, того и гляди, что своихъ приплатишь, самъ насилу отвертишься; а ину пору, кому счастье счастьемъ, да подспорнись умѣньемъ, такъ и вымотаешь требушину и поживишься. Вотъ, сударикъ ты мой, нашъ братъ и бьется надъ этакимъ дѣломъ, и ухитряется, какъ бы изъ него соку повыжать, а разумѣется, что воля дана только на производство, пишешь только куда и что по соображенiю оказывается нужнымъ, а подпись все его же, ну ужъ онъ только не мѣшаетъ. И тутъ берегись одного: чтобъ все было шито и крыто, чтобъ его, то есть, не подвести подъ отвѣтъ, а то по шеѣ,

тотчасъ вонъ, и пошелъ на мостовую въ ногти дуть, хоть самъ иди въ мазурики.

— Напримѣръ — сказать то есть такъ вамъ на улицѣ случилась драка; драка простая, безъ грабежа, безъ злоумышленія, безъ увѣчья, безъ прикосновенности, ну вотъ хоть бы въ пьяномъ видѣ, и все только народъ черный; это дѣлишко пустое; подрались фабричные, все съ себя напередъ пропивши — хвать ему въ карманъ, анъ дыра въ горсти; народъ предусмотрительный, взятки гладки. Вотъ такое–то дѣльце, съ обложеніемъ однимъ цѣлковенькимъ, и сдается нашему брату. Надо выручить цѣлковенькій, да еще и себѣ не въ убытокъ, чтобъ то есть было изъ чего хлопотать и чтобъ какъ нибудь прокормиться; вѣдь это, чай, нечего говорить вамъ, и сами вы знаете, что въ жалованьи, каково оно ни есть, только расписываешься, а и въ глаза его не видаемъ. Какъ тутъ быть? Ну, попридержишь маленько драчуновъ, чтобъ посбить съ нихъ спѣсь, позовешь къ допросу, постращаешь, прикрикнешь, а не

беретъ, такъ опять управишь его туда же, чтобъ уходился. Позвавши въ другой разъ, ужъ и растолкуешь въ чемъ сила, чтобъ, то есть, показаньеце сдѣлалъ нужное, сослался хоть на свидѣтеля, съ котораго бы шерсти клокъ сорвать можно, какъ отпрашиваться станетъ, чтобъ не путали его. Напримѣръ, вотъ указали на такого–то, что шелъ–де мимо, да не отворотилъ рыла; больше нѣтъ за нимъ ничего, только что видѣлъ — съ насъ и этого довольно, гдѣ больше взять? Требуется въ часть; знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, и не видалъ никакой драки и объ эту пору по улицѣ не ходилъ; ладно молъ, баринъ, оно и не въ томъ сила, а пожалуйте завтра пораньше, да на утре опять, а не пожалуете, такъ приведемъ. Пришелъ, посидѣлъ часа три, четыре; просится, молится — а мы: некогда теперь, недосугъ; что дѣлать, потерпите, дѣло нужное; а какъ отпустимъ, опять то же: пожалуйте завтра! Вотъ, батюшка, такими–то мизерными способами, глядишь — а все цѣлковенькій свой съ лихвой воротишь. Какъ отпустишь его

совсѣмъ, анъ на повѣрку выходитъ, мы оба съ нимъ довольны остались! Что выжмешь, то и зашибешь; такая должность наша.

— Ну, государь мой, а коли дѣльце въ силу уголовнаго уложенія поважнѣе, каково, напримѣръ, слѣдствіе, не для ради одной острастки, не слѣдствіе сокращаемое, а настоящее, на основаніи предписанія начальства, по воровству–кражѣ, либо по воровству–мошенничеству, а вѣдь ину пору и по убійству бываетъ; тогда вся штука въ смёткѣ, чтобъ притянуть, между дѣломъ, къ прикосновенности человѣка съ *подбоемъ*, которому бъ было чѣмъ раздѣлываться; вотъ его будто къ допросу; показывай онъ себѣ что хочешь, намъ все равно, только ври больше; а мы все пишемъ да пишемъ, а тамъ опять допрашиваемъ, да опять себѣ пишемъ; сличивъ на досугѣ всѣ показанія его, и выведешь противорѣчіе; вотъ дѣло–то ужъ и принимаетъ другой оборотъ. Тутъ прочитаешь ему относящіяся до этого обстоятельства статьи, объ уликахъ, очныхъ ставкахъ, о ложномъ показаніи свидѣтелей и о прочемъ. Ну,

разумѣется, кто же самъ себѣ ворогъ, не каменная душа въ человѣкѣ, размякнетъ; иной жмется долгонько, все ужъ подъ конецъ подастся; вотъ мы и на переговоры, и подоимъ его маленько; а всѣ допросы эти и показанія изъ дѣла вонъ, да въ успокоеніе его при немъ же начетверо; потрохи эти, видишь, и къ дѣлу–то не идутъ, а подкладываются временно, для одной только острастки. Вотъ, государь мой, и тутъ сноровка нужна немаловажная, чтобъ дѣло–то вести въ два порядка и не спутывать ихъ, а помнить, въ какомъ показаніи про что поминать, а о чемъ умалчивать, либо о чемъ отбирать показаніе особо, въ видѣ дополнительнаго; это–то мы и называемъ *потрохами*, ихъ то и можно, въ случаѣ чего, по боку, а дѣло все идетъ да идетъ себѣ своимъ порядкомъ; такъ и плетемъ.

Слушатель съ жадностью и завистью внималъ наставленіямъ этимъ, вздохнулъ, наполнилъ стаканчикъ своего гостя и сказалъ:

— А дѣльце Амаліи Кейзеръ, Иванъ Абрамычъ, сдѣлайте одолженіе…

— Дѣльце Амаліи Кейзеръ, началъ тотъ: — о которомъ вы давича помянули, или бишь я то есть помянулъ, а вы напросились на него… Разболтался я больно нынѣ для праздничка… Ну, да ужъ быть такъ! Да–съ, это дѣльце выдалось хлѣбное, нечего сказать… богатѣйшее! нашему брату мелкой сошкѣ, рѣдко на вѣку такое достается… А вѣдь для незнающаго человѣка плёвое дѣло было, гроша не стоило; чего, вѣдь ужъ нашъ слѣдственный не новичокъ, не олухъ, не промахъ, ужъ онъ то есть видывалъ виды и знаетъ толкъ и зубы съѣлъ на этомъ, да и тотъ, взглянувъ на дѣльце это, на явочное прошеніе по вздорной покражѣ, сунулъ его мнѣ, по *обиходной*, по нашему, то есть и всего–то за три цѣлковыхъ… Да, три!! да въ другихъ рукахъ оно и трехъ гривенниковъ не стоило, а недѣльки черезъ двѣ не тремя запахло; въ моихъ–то рукахъ, любезнѣйшій, оно, то есть, вотъ какъ развернулось, что, пожалуй, къ тремъ–то и

два нолика безъ грѣха приписать бы можно — вотъ что. Ну такъ вотъ послушайте–ка.

— У графа Трухина–Соломкина — знаете, въ Волошской отъ моста третій домъ, какая–то прачка–ли, судомойка–ли, украла батистовый платочекъ. А кто воруетъ, да концовъ хоронить не умѣетъ, тотъ нашего брата кормитъ. Ее прислали въ часть. Ну, первое дѣло, извѣстно, понавѣдаться въ домъ графа для разныхъ допросовъ; бываетъ и въ такомъ домѣ, что впутается кто нибудь сторонній, да пожелаетъ раздѣлаться по–пріятельски, чтобъ въ такомъ дѣлѣ не было его имени на бумагѣ; бываетъ, что струситъ, какъ закинешь намёкъ, что слѣдуетъ–де васъ въ часть потребовать, снять показаньице; а нѣтъ, такъ просто надоѣшь частыми приходами, да разспросами; ужъ тутъ самому скучать никакъ нельзя. Вотъ иному барину безпокойно покажется, и онъ тебя, то есть съ моимъ удовольствіемъ поблагодаритъ, только не безпокой его. Вотъ недавно также по воровству, стали

потаскивать день за день, для допроса, то кучера, то комнатнаго, то повара — глядишь, а баринъ–то день безъ лошадей, день безъ обѣда, день безъ чищеннаго платья и сапогъ — и пропажѣ своей не радъ? «Бросьте, говоритъ, дѣло, не желаю продолжать иска». — «Нельзя, говорятъ: слѣдствіе должно идти своимъ порядкомъ; въ убыткахъ вы вольны прощать вора, а въ уголовномъ дѣлѣ — нѣтъ, не ваша воля, да и не наша, и мы не въ правѣ.» Вотъ баринъ–то и видитъ, что надо раскошеливаться; двадцать пять и поднесъ, только оставь его въ покоѣ, да не таскай людей; да вишь не мнѣ достались они, а *самому*.

— Ну, такъ о нашемъ–то дѣлѣ: тутъ, въ этомъ домѣ, то есть, ничего то есть не далось, самая сущая бездѣлица, потому знаете, что это домъ не такой: тутъ надо съ осторожностью поступать и деликатно. Тутъ даже и поличнаго не приложили, то есть платка батистоваго, какъ дѣвку при объявленіи отправили въ часть, а вѣдь ужъ это первое, чтобъ поличное было на лицо,

хоть оно и не важное дѣло — платочекъ, а все годится... но тутъ и этого не удалось: домъ не такой, нельзя было и настаивать очень, надо быть осмотрительнѣе... А ину–пору, вотъ и въ прошломъ году, только что также намъ по усамъ текло, а въ ротъ не попало — двѣ серебряныя ложки сряду выудилъ *нашъ* изъ дому, послѣ покражи серебра, для сравненія, а ужъ за третьей не посмѣлъ идти, такъ и бросилъ дѣло... а въ другой разъ, шубку украли въ домѣ; онъ меня и взялъ съ собою, для допроса, да и сталъ было приставать, чтобъ всѣ примѣты записать, и все опять допрашиваетъ... «Ну, говоритъ хозяинъ, ужъ извините, я вижу, чего вамъ хочется, да у меня другой такой шубы для сравненія нѣтъ...» срѣзалъ злодѣй!

— Ну, сударь мой, такъ–то я вижу, что толку нѣтъ, на подметки не выбѣгаешь, незачѣмъ и ходить къ графу. Какъ быть, а три цѣлковенькихъ задано, надо умудряться. Вотъ я вечеромъ опять взялся за дѣло, за производство то есть, поглядѣлъ на него — съ котораго конца не

приступись и гроша не стоитъ, не только трехъ рублей. Если что нибудь съ дѣвки сорвать — такъ бездѣлица, едва–ли и расходы воротишь, а ужъ тогда выпустить надо и порешить дѣло. Не хочется, убыточно. Ну, думаю, не поищешь, не постараешься, такъ и не найдешь. А потерять свое жаль. Брось, говорятъ товарищи, ничего не доищешься, хоть и не перечитывай; да и стали еще подсмѣиваться да подшучивать надо мною, мигнувъ другъ другу, да вполголоса: вотъ зашибетъ человѣкъ копѣйку, такъ зашибетъ!

— Ну, ладно. Перепустилъ я листы еще разокъ промежь пальцевъ — чего смотрѣть, явочная отъ управителя графскаго, да адресный билетъ Матрены этой, да два листка отобранныхъ мною показанiй — только и есть. Какъ ни верти, не вывертишь, а вывертѣть надо. Гляжу — такъ вотъ глазами и напоролся тебѣ на аттестацiю подсудимой, по прежнему мѣстопребыванiю, на адресномъ то есть билетѣ: во–первыхъ, подпись не засвидѣтельствована въ кварталѣ; а во–

вторыхъ, аттестація подписана твердою, скорописною мужскою рукою: *Амалія Кейзеръ*. Врешь, подумалъ я, Амаліи Кейзеры такъ не пишутъ; и у меня почуяло что–то ретивое и будто бархатною рукою по сердцу провело. Поглядѣлъ еще и молчу; думаю пусть посмѣются, а послѣдній смѣхъ будетъ лучше перваго.

— Вотъ, сударикъ ты мой, тотчасъ закинули мы то есть крючокъ туда, гдѣ жила прежде Матрена наша, да вытребовали управляющаго дома. Пришелъ. Мы ему адресный билетъ съ аттестатомъ на столъ: это молъ что? Глядитъ. У васъ–де въ домѣ жила такая–то, и перешла на другое мѣсто; тамъ она прокралась и шибко попалась — дѣло уголовное; а тутъ вотъ и аттестатъ не засвидѣтельствованъ въ кварталѣ. «Виноватъ» говоритъ, какъ нибудь не доглядѣли; дѣло прошлое, не вводите въ бѣду…» — «Чего, не вводить, ты видишь, чай, что и безъ насъ самъ влѣзъ, и съ головою. Нынѣ время строгое, нашему брату за васъ не отвѣчать; чай законы знаешь не хуже нашего: штрафу причтется

за передержательство по полтора цѣлковыхъ за сутки, и всего за девяносто–семь дней.»

Вотъ мой управляющій туда, сюда. «Поправьте какъ нибудь, говоритъ, бѣду нашу; вѣдь тутъ худаго умысла не было; просмотрѣли, а дѣвка ушла; гдѣ искать ее станешь? Возьмите по христіански, да и концы въ воду.» — «Что долго толковать, сказалъ я, дѣло видимое, на ладонкѣ: либо по полтора цѣлковыхъ за девяносто семь дней, либо тридцать на столъ — больше и говорить не стану». Почесался мой управляющій, однакожъ принесъ денежки. Мы послали билетъ отъ себя засвидѣтельствовать въ кварталъ — и концы въ воду.

— Ну, это кончено, сказалъ я: — теперь примемся за другое. Кто такая у васъ въ домѣ Амалія Кейзеръ?

— Ну, говоритъ, ужъ про то сама она знаетъ, кто она; она и всего то съ годъ какъ пріѣхала сюда не знать откуда, изъ Риги, либо изъ Ревеля, изъ Гамбурга, и больно

щеголяетъ. Доходы она, видно, получаетъ знатные.

— А по–русски знаетъ хорошо?

— Гдѣ, хорошо, черезъ пятое въ десятое ломаетъ.

«Есть поживишка, подумалъ я, теперь есть, не уйдетъ.» Вотъ принесъ чортъ на хвостѣ, такъ принесъ! Пишемъ опять въ кварталъ: объявить Амаліи Кейзеръ, чтобъ соблаговолила пожаловать въ такую–то часть. Замѣтьте, это такъ пишется у насъ въ первый разъ: «объявить, чтобъ соблаговолила», потому что надо же не объ одномъ себѣ подумать, а выручать, при случаѣ, товарищей: по этому приглашенію она еще не явится, а мѣстный квартальный только что попользуется небольшимъ гостинцемъ. Сождали мы недѣльку, да черкнули другое приглашеніе: «представить немедленно въ часть для допроса.» Вотъ тутъ–то ужъ она, голубушка моя, не отвертѣлась отъ насъ, не тѣмъ голосомъ заговорила; отдавъ тамъ цѣлковенькій, чтобъ за великую милость позволили ей пріѣхать въ своемъ экипажѣ, а не водили съ

городовымъ — вѣдь тоже анбиціантка есть, людей стыдится — изволила прикатить въ парной колясочкѣ, въ щегольской, сударь; а лошадки, хоть бы и не ей прокатиться, тысячныя; сама въ бархатѣ, въ шелку, въ перьяхъ... ну вотъ глядѣть любо; этакихъ–то подай намъ больше, тутъ хоть щипкомъ урвешь, такъ на магарычи будетъ!

«Служила у васъ такая–то?» — «Слюшилъ.» — «А, слюшилъ — понимаемъ. Вы ее отпустили тогда–то?» — «Да, пустилъ.» — «Пустилъ, хорошо и это. А кто ей за васъ аттестатъ подписалъ на адресномъ билетѣ, извольте–ка посмотрѣть, коли эту грамоту знаете. Вы по–русски знаете читать и писать?» — «Нѣтъ, я не знай.» — «Не знай, такъ кто же это подписался: *Амалія Кейзеръ?»* Позамялась было моя красавица, хотѣла прикинуться немогу–знайкой, да грѣхи слезами смыть; да у насъ на этой масти не выѣзжаютъ; мы ее къ ногтю; коли–де не угодно честью покаяться, такъ у насъ про вашу милость есть такое мѣстечко, что тамъ, на досугѣ, подумать можно... не угодно ли — и

растворили ей двери въ коморку. Вотъ, сударикъ ты мой, полились слезы ручьемъ по шелку да по бархату, а легче нѣтъ. Вынула она бумажникъ, да кошелечекъ, все высыпала — и всего–то цѣлковыхъ съ двадцать. «Нѣтъ, говоритъ, больше ни гроша» только просится все: пусти, пусти. «Ну молъ, сударыня, пустить мы пустимъ, и тревожить тебя больше не станемъ, мы найдемъ такого, что и самъ за себя постоитъ, только изволь говорить правду, не то, насидишься. Кто это писалъ?» — «Это писалъ одинъ мой знакомъ. Я дѣвушка бѣдная, иностранка, порядковъ вашихъ не знаю, я его и попросила написать что надо.» — «Да это все хорошо, съ вами–то ужъ мы и раздѣлались, да онъ–то кто таковъ? Какъ зовутъ, гдѣ живетъ, чѣмъ занимается?

Сколько ни жалась, голубушка, а назвала виноватаго, этого знакомаго, то есть, франтика, щеголя, мотишку, да какъ раскланялись мы съ нею, такъ она тебѣ принялась присѣдать во всѣ стороны, и сторожамъ–то всѣмъ по низенькому

поклону, да чуть вплясъ не пошла отъ радости, до самой коляски своей! Ступай, Богъ съ тобой; наша пуля виноватаго сыщетъ.

— Что, сказалъ я, глядя на товарищей: — кто кому посмѣялся? Да кто же думалъ, дескать, тамъ искать, гдѣ ты нашелъ; дѣло о воровствѣ, а онъ приплелъ подпись адреснаго билета прежняго мѣста жительства! Въ томъ–то, сударики мои, и штука; не мудрено изъ готоваго выкроить; а ты самъ потрудись кудельку вычесать, да выпрясть, да основу высновать, да утокъ проложить — да что тогда выкроишь, такъ ужъ это твоя работа и никто тебя не смѣетъ попрекнуть. Вотъ что!

Ну, на другой день навели мы справочку: оказалась у этого Амалія Кейзера мать, тутъ же въ городѣ на лицо; да что мать, у кого ея нѣтъ, какъ то есть кормить придется, а это такая, что сама кормитъ, а онъ–то только обираетъ! Богатая и знатная барыня, и въ сынѣ души не слышитъ, и разъѣзжаетъ съ нимъ все въ каретѣ, по самой знати, невѣстъ выбираетъ.

Разузнавъ обо всемъ обстоятельно, отправляюсь къ ней. Сказать по правдѣ, что нашему брату, безъ привычки, даже трудно въ домъ такой войти; робѣешь, и самъ не знаешь отчего, на стѣны глядя робѣешь. Ну, а мнѣ ужъ не впервые, ошмыгался, не стучитъ сердце, знаешь зачѣмъ идешь.

— Что надо?

— Доложите барынѣ, что отъ слѣдственнаго чиновникъ пришелъ.

— Барыня приказала сказать, что некогда ей, занята, а что нужно, скажите буфетчику, вотъ онъ доложитъ.

— Нѣтъ, говорю, нельзя; доложите–ка барынѣ, что сама жалѣть будетъ, коли не переговоритъ со мною, да послѣ поздно будетъ; ужъ пусть лучше не побрезгаетъ, какъ быть; рѣчь поведемъ о сынѣ ея по важному дѣлу.

И тотчасъ, братецъ ты мой, изволишь видѣть, растворяются двери и просятъ въ гостиную, и сажаютъ на кресла! Вотъ оно каково! Что жъ ты думаешь, не сѣлъ? сѣлъ, ей–Богу. А обои кругомъ все шелковые, и картины въ золотыхъ рамахъ, и подъ

ногами такіе ковры разстилаются, что хоть бы тебѣ на праздничную жилетку! Ну, выходитъ моя барыня, маленько перепуганная, спрашиваетъ, что такое сталось? — Да вотъ, сударыня, хоть и очень жаль васъ, а несчастьице съ сыномъ вашимъ приключилось. «Боже мой, что такое?» — Подъ чужую руку изволили подписаться. Сами изволите знать, что подлогъ и фальша такого рода — хоть оно и по невѣдѣнію можетъ статься, по молодости, но вѣдь законъ этого не разбираетъ... Заломила руки старушка, проситъ объяснить все. — Есть, говорю, у нихъ одна знакомая дѣвица, должно быть, что дѣвица, такъ, то есть она себя показываетъ, родомъ изъ... изъ... изъ пріѣзжихъ, заграничныхъ мѣстъ; вотъ сынокъ вашъ, конечно, изъ угожденія только къ ней, не чая въ томъ худаго, изволилъ за нея подписаться — вотъ, изволите видѣть, чай знаете ручку своего сына, вотъ: *Амалія Кейзеръ*. Объ этомъ завелось у насъ дѣльце; дѣвица эта оказалась прикосновенною къ

значительнымъ, и даже можно сказать государственнымъ преступленіямъ; дѣло и выходитъ самое уголовное. Вы, сударыня, простите меня, неуча, потому что мы вѣдь законовъ не пишемъ, а только исполняемъ ихъ, и что за это очень строго съ насъ взыскивается; а по закону такая подпись именуется поддѣлкой акта и по суду приговаривается виновный къ лишенію правъ состоянія... вотъ извольте видѣть, я и томикъ этотъ со статьею захватилъ и нарочно для васъ заложилъ закладкой...»

Перепугалась барыня моя на смерть, такъ что чуть не пришлось мнѣ оттирать ее. А тамъ, братецъ ты мой, кругомъ ковры персидскіе, разные мраморы и бронзы, зеркала–трюмы, богатство такое, что въ другое время не наглядѣлся бы, ну, а тутъ не до того. Вотъ она, какъ ни безтолкова, какъ ни привыкла себѣ барничать, да нашего брата похуже своего блюдолиза считать, однако смирилась, шелковая стала, хоть вокругъ пальца обмотай. Послала она за сыночкомъ — прилетѣлъ въ такихъ прическахъ, да такимъ козыремъ, что бѣда.

Какъ послышалъ, однако, о чемъ рѣчъ идетъ, да по своему, по–французски переговорили что–то съ мамашей, такъ и побѣлѣлъ, что твое полотенце. «А» подумалъ я, «вотъ то–то, видно пословицу–то про кошку да зайца люди не съ вѣтру взяли.

Такъ–то, государикъ мой, побалагурили мы недолго, а дѣло сдѣлали хорошее, и всѣ остались довольны. Взялъ я, получилъ то есть, съ позволенія сказать, три сотенки серебромъ — да, да, хошь не гляди на меня комомъ, гляди розсыпью — зашибъ таки и я за свое старанье, на бѣдность, получилъ триста, да и разорвали мы на мировую адресный билетъ съ аттестаціею на мелкіе клочки, чтобъ его и помину не было.

Такъ вотъ, государикъ ты мой, какъ ину пору судьба милостями своими человѣка взыскиваетъ, хоть она и гнететъ ину пору нашего брата — ухъ, какъ гнететъ! Дѣльце–то и всего снято было за три, по *обиходной* то есть, да и того–то оно въ другихъ рукахъ не стоило, анъ вся сила вышла не въ батистовомъ платочкѣ графа Трухина–

Соломкина, а въ Амаліи Кейзеръ: ее–то намъ нелёгкій и принесъ на хвостѣ!

— Чудесно! замѣтилъ собесѣдникъ: — истинныя чудеса. Да чѣмъ же вы покончили дѣло? что сталось у васъ по дѣлу о покражѣ?

— Экъ онъ о чемъ заботится! Да развѣ тутъ объ этомъ рѣчь? плюнули, да и бросили. Вытребовали изъ адресной подлинный паспортъ ея, сунули ей въ зубы — и ступай на всѣ четыре стороны.